

Л.Н. Синицына,
к.ф.н., доцент БГУЭП, г. Иркутск,
С.В. Уралова,
директор ИО ОО БРСЖ «Ангара»,
соискатель ИГЛУ, г. Иркутск
phil@isea.ru

ГЕНДЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА

В статье рассмотрены гендерные индикаторы, как инструментальной оценки социально-экономической политики. Проведен сравнительный анализ уровня гендерного неравенства и его связи с показателями социального и экономического развития Байкальского региона.

Ключевые слова: *гендерные индикаторы; гендерное неравенство.*

L.N. Sinitsyna
S.V. Uralova

GENDER MEASUREMENT OF THE SOCIAL AND ECONOMIC POLICY OF THE BAIKAL REGION

The article considers gender indicators as instrument of an assessment of the social and economic policy. The comparative analysis of the gender inequality level and social and economic development are analyzed, review it's by example Baikal Region.

Key words: *gender indicators; gender inequality.*

Ключевые направления в развитии социально-экономической политики региона реализуются в пространстве идеологической жизни общества, которая представляет собой объективную реальность, включающую систему идей, социальных ценностей, принципов осознания и оценки действительности. В контексте всей системы общественных отношений и социальных ценностей идеологии присуще стремление к достойной жизни внутри страны и на мировой арене, а также сохранение социума как целостного организма в единстве его материальной и духовной сфер. Следовательно, для реализации задач, обозначенных в русле ключевых направлений развития региона, необходимо иметь в виду своеобразную мировоззренческую матрицу, в которой отражаются социально-политические интересы различных общностей. Существующее многообразие концепций ориентирует на идеологический плюрализм, а точнее - на то состояние общественного сознания, которое пребывает в поиске. Вместе с тем, говоря об основах экономической поли-

тики, важно учитывать возможности развития отдельных людей – мужчин и женщин, представителей различных социальных общностей.

Экономисты и политики, определяя стратегические направления развития региона, не всегда учитывают динамику социально-демографического статуса отдельных слоев населения, лишенных в значительной степени равноценных возможностей интеграции в рыночную экономику и, вместе с тем, в полноценную социальную деятельность. Имеется ввиду существенная часть населения, женщины, которые в силу ряда социокультурных особенностей и традиций оказались в более трудном положении, чем мужчины. Следует отметить, что деструктивные явления и разного рода социальные потрясения связаны, по мнению многих исследователей, с активно заявляющими о себе проблемами гендерной асимметрии. Английский термин «гендер», означающий категорию рода, в настоящее время используется в социологии, политике, социальной философии при определении совокупности социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола. Острота гендерных проблем проявляется во всех сферах общественных отношений и представлена как одна из главных проблемных парадигм XXI века.¹ Гендерная асимметрия связана с непропорциональной представленностью социальных и культурных ролей мужчин и женщин в различных сферах общества. Так, по данным Программы развития ООН женщины производят 55 % мирового богатства (с учетом неоплачиваемого домашнего труда), заняты 2/3 рабочего времени в мире, но получают 0,1 мирового дохода и владеют 0,01 мировой собственности (по данным Международной организации труда). Они занимают 13% мест в парламентах и 14% высших управленческих постов в кампаниях и на предприятиях. Сегодня, по мнению экономистов Московского центра гендерных исследований, «макроэкономические модели, которые основаны только на стоимостных категориях рынка и не берут в расчет менталитет, материальное, физическое и психическое состояние тех или иных категорий населения не просто мало эффективны, - они разрушительны»².

Таким образом, анализ эффективности политики региона должен включать гендерную компоненту для недопущения дискриминации по половому признаку в сфере производства и распределения доходов. При этом необходимо использовать международные гендерные индикаторы (ГИ), которые позволяют высветить степень ориентированности экономики на истинные цели человеческого развития и выделить приоритетность соответствующих программ. В Докладах о развитии человека ООН представлены различные индексы и составлены рейтинги, соотне-

¹ Гендерная стратегия Российской Федерации. Сайт: <http://www.womnet.ru/prava/2004/1/4.htm>. С. 7.

² Экономика и социальная политика: гендерное измерение //Под общей редакцией М.М. Малышевой. М.: Akademia, 2002. С. 7.

сенные с Индексом развития человеческого потенциала (ИРЧП) для 182 стран мира. С 2004 г. используется индекс развития с учетом гендерного фактора (ИРГФ), который дополнительно отражает влияние различий между мужчинами и женщинами по базовым индикаторам: ожидаемой продолжительности жизни, уровню грамотности, охвату образованием и доступу к доходу. Формула индикатора дохода учитывает различия в заработной плате и экономической активности мужчин и женщин.

Анализ динамики ИРГФ (как и ИРЧП) регионов за 2004-2007 гг. показывает, что усиливаются региональные различия. Иркутская область по ИРГФ была сопоставима в разные годы со странами со средним уровнем развития человеческого потенциала: в 2004-м году - с Сирийской Арабской Республикой (51 место), в 2005-м году - с Алжиром (46 место), в 2006-м году - с Ямайкой (35 место). Для сравнения: Москва, Тюменская область, Санкт - Петербург и Татарстан сопоставимы с европейскими странами с очень высоким уровнем ИРЧП (Чехией, Венгрией, Болгарией). Иркутская область входит в число субъектов РФ со средним уровнем развития и сильной депопуляцией: если по уровню ВРП в 2006г. область находилась на 25-м месте, то по ожидаемой продолжительности жизни - на 68-м месте (среди 80-ти субъектов РФ).³ Таким образом, уровни экономического и социального развития не совпадают, что говорит о необходимости учета других факторов, в том числе гендерного.

Рассмотрим другой международный индикатор - Индекс гендерного неравенства (ИГН - *gender gap index*), публикуемый в «Отчетах о всемирном рейтинге равноправия полов» Всемирным Экономическим Форумом (ВЭФ) с 2006 г. При построении индекса используется четыре показателя. Один из них - *индекс экономической активности* отражает соотношение уровня занятости и оплаты мужчин и женщин за равный труд; соотношение мужчин и женщин в составе законодателей, ответственных работников, руководителей и специалистов. *Индекс образования* включает соотношение уровня грамотности и охвата мужчин и женщин образованием. *Индекс политического участия* измеряет соотношение полов в парламенте и на министерских должностях; число лет нахождения женщин во главе государства за последние 50 лет. *Индекс здоровья и продолжительности жизни* - это соотношение продолжительности здоровой жизни мужчин и женщин, соотношение полов при рождении.

Баллы, набранные странами в рейтинге равноправия полов, могут рассматриваться как процентный эквивалент устраненного разрыва между мужчинами и женщинами. Отчет за 2009 год включает данные по 134 странам – в нем освещена ситуация равноправия полов на террито-

³ Россия перед лицом демографических вызовов / Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации / 2008. ПРООН. М. 2009. С. 198 – 201.

рии, где проживает более 90% населения мира. В последних отчетах ВЭФ представлены некоторые доказательства связи между уровнем равноправия полов и экономическими показателями разных стран. Отмечается, что эффективное использование человеческого потенциала половины населения земного шара позволяет существенно увеличить экономический уровень стран. Для этого необходимо уравнивать шансы конкурентоспособности на рынке труда для женщин и мужчин. Представленные в отчете графики зависимости ИГН и Глобального Индекса Конкурентоспособности от ВРП стран на душу населения подтверждают эту корреляцию. Многочисленные исследования в течение последнего десятилетия подтвердили, что сокращение гендерного неравенства повышает производительность труда и способствует экономическому росту. Исследования демонстрируют тот факт, что хотя инвестиции в образование девушек уменьшают женские показатели плодovitости, но зато при этом уменьшается младенческая и материнская смертность.⁴

Рейтинг Российской Федерации (51 место) снизился за год на девять позиций из-за уменьшающейся экономической активности женщин и увеличения разрыва в оплате труда (24-е место), 9-е место - по образовательным возможностям, 41-е по здоровью. Тем не менее, с точки зрения политического представительства Россия имеет значение ниже среднего, удерживающее 99-ю позицию (из 134 стран). Этот показатель существенно улучшился по сравнению с 2007 г. (120-е место из 128 стран), когда в кабинете министров не было ни одной женщины.

Другой проблемный гендерный индикатор в России - уровень продолжительности жизни женщин и мужчин, прежде всего, выраженный мужской сверхсмертностью. Вполне закономерен вопрос, почему в России различия в продолжительности жизни по полу (РПЖ) столь велики (12,5 лет), несмотря на то, что оба пола живут в одних и тех же политических, экономических и социальных условиях. Сравнивая разброс значений РПЖ по странам мира и субъектам РФ, мы приходим к выводу, что эта разница зависит от уровня гендерного конфликта. Показания разброса РПЖ по странам показывают, что минимум (4-7 лет) либо в странах с патриархатным укладом в сочетании с низким уровнем занятости и образования женщин, либо в странах - лидерах международных рейтингов ГИ, где гендерный конфликт слабо выражен.

Сравнение ГИ, связанных с продолжительностью жизни в Байкальском регионе на фоне других субъектов РФ, подтверждают рост региональной поляризации. В регионе наблюдается более низкий показатель продолжительности жизни для женщин: на 3 года, чем в среднем по РФ, на 9,6 лет - чем в Южных республиках, на 6,6 лет - в Москве. Для мужчин этот показатель и того ниже: на 3,9 года - по РФ, на 15,4 года - в Южных республиках, в Москве - на 10,7 лет. Особенно обращает на себя

⁴ Доклад о развитии человека 2009. ПРООН. М.: Весь Мир, 2009. С. 25-26.

внимание тот факт, что РПЖ в южных республиках меньше почти вдвое, а в Москве - в полтора раза. Тем самым, межрегиональное сравнение (как и межстрановое) подтверждает гипотезу о сравнительно низком уровне РПЖ в регионах с менее выраженным гендерным конфликтом: либо с патриархатным укладом (южные республики), либо в регионах, в которых ГИ приближаются по своим показателям к европейским странам (г. Москва).

Для Байкальского региона характерен высокий уровень женской занятости, и большинство рождений происходит среди работающих женщин. Если рождение первенца происходит практически независимо от каких-либо обстоятельств, то желание работающей женщины завести второго ребенка во многом зависит от материального благополучия ее семьи. В условиях перехода к пенсионной системе, в которой пенсионные права приобретаются на протяжении всей жизни, весьма значительны потери в заработках и, соответственно, в пенсионном капитале женщин с детьми. Исследования, показали, что так называемый, «штраф» за материнство, действительно, существует, но особенно удручает тот факт, что наиболее весомые потери несут женщины с более высокими уровнями человеческого потенциала. Разрешение конфликта между женской занятостью и деторождением возможно при создании условий, благоприятных для совмещения работы и материнства.

Наряду с решением экономических задач, важно учитывать и то, что гендерные проблемы связаны не столько с вопросами благосостояния, сколько с возможностью выживания и сохранения генофонда нации.

Список литературы

1. Гендерная стратегия РФ. <http://www.womnet.ru/prava/2004/1/4.htm>
2. Демографическая ситуация в Иркутской области. /Материалы «круглого стола» Законодательного собрания Иркутской области. Иркутск: Вестник ЗС 2006. – 102 с.
3. Доклад о развитии человека 2009. ПРООН. М.: Весь Мир, 2009. -229с.
4. Женщины и мужчины России – 2008 / Федеральная служба государственной статистики. http://www.gks.ru/bgd/regl/B08_50/Main.htm
5. Россия перед лицом демографических вызовов / Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2008. М.: ПРООН, 2009. – 208 с.
6. Статистическое управление Иркутской области. http://irkutskstat.gks.ru/digital/region1/DocLib/average_age.htm
7. Экономика и социальная политика: гендерное измерение // Под общей редакцией М.М. Малышевой. М.: Akademia, 2002. - 288 с.
8. Hausmann R., Tyson L. D., Zahidi S. The Global Gender Gap Report 2009. <http://www.weforum.org/en/initiatives/gcp/Gender%20Gap/index.htm>

